

ПРОЛОГ

*Джунгли Амазонии
Пятнадцать лет назад*

Чтобы добраться до места, им понадобилось пять дней — они прорубали себе путь через густой, удушающий подлесок, пробивались сквозь влажный, тяжёлый, неподвижный воздух. Их окружали деревья, высокие, как соборы, и сквозь огромные кроны пробивался странный, зелёный, почти божественный свет. Тропический лес словно обладал собственным разумом. Голосом ему служили внезапные вскрики попугаев и мелькающие в ветках силуэты обезьян. Лес знал, что они здесь.

Но пока что им везло. На них, конечно, нападали пиявки, комары и кусачие муравьи, но вот змеи и скорпионы им не попадались. В речках, которые они переходили вброд, не было пираний. Лес позволял им идти вперёд.

Они шли налегке, захватив с собой лишь самое необходимое: карту, компас, бутылки с во-

дой, йодовые таблетки, накомарники и мачете. Самой тяжёлой вещью в их поклаже была винтовка «винчестер-88» со снайперским прицелом, с помощью которой они собирались убить человека, жившего в этом неприступном месте — в ста милях к югу от Икитоса в Перу.

Они знали имена друг друга, но никогда по ним не обращались. Это было частью подготовки. Старший из двоих называл себя Охотник. Он был англичанином, но знал целых семь языков, да настолько хорошо, что вполне мог сойти за коренного жителя многих стран. Тридцатилетний, привлекательный, коротко стриженный, Охотник осматривал местность взглядом бывалого солдата. Его худого и светловолосого спутника иногда потряхивало от нервов. Он выбрал себе позывной Казак. Ему было всего девятнадцать лет, и он отправился на своё первое убийство.

Оба были одеты в стандартный для джунглей камуфляж цвета хаки. Лица они тоже выкрасили в зелёный цвет и нарисовали тёмно-коричневые полосы на щеках. Они добрались до нужного места незадолго до восхода и стояли совершенно неподвижно, игнорируя мошкару, которая кружилась вокруг, пробуя на вкус их пот.

Перед ними раскинулась вырубленная в лесу полянка, окружённая десятиметровым забором. Посреди полянки стояла элегантная усадьба

с деревянными верандами и ставнями, белыми занавесками и медленно крутившимися вентиляторами, а метрах в двадцати по сторонам — приземистые кирпичные здания. Жильё для охранников. Где-то с десятков вооружённых людей патрулировали периметр и наблюдали за джунглями со ржавеющих металлических вышек. Но они обленились. Просто бесцельно бродили туда-сюда — в конце концов, они же посреди джунглей. От кого и зачем тут охранять?

На асфальтовой площадке стоял четырёхместный вертолёт. От главного входа усадьбы до вертолёта было всего двадцать шагов. Именно за эти двадцать шагов им и предстояло убить его владельца.

Они знали имя человека, которого пришли убивать, но и его они по имени не называли. Казак один раз произнёс его, но Охотник тут же его поправил:

— Никогда не называй цель настоящим именем. Имя превращает цель в личность. Открывает дверь в её жизнь, и когда придёт время устранить её, имя может напомнить тебе, что ты собираешься сделать, и заставить тебя колебаться.

То был лишь один из многих уроков, полученных Казаком от Охотника. После этого они называли цель только Командиром. Он был военным — по крайней мере, когда-то был. Но военную форму любил носить до сих пор. Охран-

ников у него было столько, что хватило бы на небольшую армию. Прозвище ему подходило.

Командир не был хорошим человеком. Он торговал наркотиками. А ещё он контролировал одну из самых жестоких банд Перу, которая пыталась и убивала любого, кто посмеет встать у неё на пути. Но всё это нисколько не интересовало ни Охотника, ни Казака. Они прибыли сюда, потому что им заплатили двадцать тысяч фунтов за его убийство. И если бы Командир был врачом или священником, это бы ничего не изменило.

Охотник глянул на часы. Без двух минут восемь; как ему сообщили, ровно в восемь Командир собирается лететь в Лиму. А ещё Охотник знал, что Командир очень пунктуален. Он зарядил винтовку единственным патроном калибра 7,62 и настроил снайперский прицел. Одного выстрела ему будет вполне достаточно.

Казак тем временем достал полевой бинокль и внимательно разглядывал территорию. Парень не боялся, но был очень напряжён и взволнован. За ухом к шее сползла капелька пота. Во рту пересохло. В спину что-то стукнулось — может быть, это Охотник мягко ткнул его пальцем, напоминая, чтобы он оставался спокоен? Но нет, Охотник сидел чуть поодаль, полностью сосредоточившись на винтовке.

По спине что-то двигалось.

Казак понял, что же двигалось, лишь когда оно переползло на плечо, а потом на шею — и что-то делать было уже поздно. Он очень медленно повернул голову и на самой границе поля зрения увидел паука, сидевшего на шее, прямо под подбородком. Он сглотнул. Почувствовав вес, он сначала подумал, что это тарантул, но на самом деле всё оказалось хуже, намного хуже. Чёрный-чёрный паук с маленькой головкой и отвратительным распухшим телом, похожим на переспелый, вот-вот готовый лопнуть фрукт. Он знал, что если смог бы перевернуть паука на спину, то на брюшке обнаружил бы красную метку, похожую на песочные часы.

Чёрная вдова. *Latrodectus curacaviensis*. Один из самых смертоносных в мире пауков.

Паук пополз дальше, одна из его передних лапок почти коснулась уголка рта Казака. Остальными лапами он по-прежнему держался за шею, а тело теперь висело прямо под нижней челюстью. Казак хотел снова сглотнуть, но не решался. Любое движение может потревожить паука — хотя, собственно, ему даже повод не нужен, чтобы напасть. Казак решил, что это, должно быть, самка, а она в тысячу раз хуже, чем самец. Если она решит его укусить, то полые зубы впрыснут ему в кровь яд-нейротоксин, который парализует нервную систему. Поначалу он ничего не почувствует — останутся лишь две крохотные ранки на коже. Боль придёт через

час — волнами, одна за другой. Веки распухнут. Он не сможет дышать. Начнутся конвульсии. Почти наверняка он умрёт.

Может быть, стоит поднять руку и попытаться скинуть с себя отвратительное создание? Если бы паучиха сидела где угодно ещё, Казак бы, возможно, рискнул. Но её почему-то очень заинтересовала его шея — должно быть, из-за пульса, который там прощупывался. Он хотел позвать Охотника, но даже двигать мышцами горла — слишком большой риск. Он едва дышал. Охотник всё ещё готовился к выстрелу, даже не замечая, что происходит вокруг. Что ему делать?

В конце концов он решил свистнуть — то был единственный звук, который он посмел издать. Он в ужасе чувствовал, как же крепко паучиха за него уцепилась. Вторая лапка коснулась его губы. Она что, собирается залезть ему на лицо?

Охотник повернул голову и сразу понял, что что-то не так. Казак стоял неестественно спокойно, с перекошенным и совершенно побелевшим — это было видно даже под краской — лицом. Охотник шагнул в сторону, так, чтобы Казак оказался прямо между ним и усадьбой. Он опустил винтовку, направив дуло в землю.

Охотник увидел паука.

В то же самое мгновение открылась дверь дома, и из неё вышел Командир — небритый,

невысокий, пухлый человечек, одетый в тёмный мундир с расстёгнутыми верхними пуговицами. Он курил сигарету и нёс в руке чемоданчик.

Двадцать шагов до вертолёта — и несколько шагов он уже сделал, оживлённо болтая с двумя охранниками. Казак перевёл взгляд на Охотника. Он знал, что организация, на которую они работают, не прощает неудач, а это их единственный шанс. Паучиха поползла дальше, и, опустив глаза, Казак увидел её голову: скопление маленьких блестящих глазок — целых поддюжины, — которые тарасились на него. Нет в мире, пожалуй, ничего уродливее. Кожа чесалась. Половина лица, казалось, готова была спрыгнуть с головы и убежать. Но он понимал, что Охотник не может ничего поделать. Он должен стрелять прямо сейчас. Командиру оставалось всего десять шагов до вертолёта. Винт уже вращался. Казак хотел крикнуть ему: «Давай!» Звук выстрела напугает паучиху, и она укусит его. Но это не важно. Главное — успешно выполнить задание.

Охотнику понадобилось меньше двух секунд, чтобы принять решение. Он мог скинуть чёрную вдову дулом винтовки — и даже успеть до того, как она укусит Казака. Но к тому времени Командир уже сядет в вертолёт с бронированным стеклом. А ещё он мог застрелить Командира — но после этого нужно сразу бежать

в джунгли. Времени помочь Казаку не будет, и здесь уже ничего не поделаешь.

Он принял решение, вскинул винтовку и выстрелил.

Раскалённая добела пуля пронеслась мимо Казака, оставив бороздку на его шее. Чёрную вдову мгновенно разнесло на кусочки. Пуля пересекла полянку, прошла сетчатый забор и — до сих пор неся на себе крохотные кусочки паучихи — ударила Командира в грудь. Командир уже собирался сесть в вертолёт, но остановился, словно чем-то удивлённый, поднёс руку к сердцу и рухнул. Охранники тут же начали озираться в поисках невидимого врага.

Но Охотник и Казак уже исчезли. Джунгли поглотили их за секунды, но лишь через час они остановились, чтобы перевести дыхание.

У Казака шла кровь. Шею пересекала прямая, словно проведённая по линейке красная полоска, и кровь пропитала его рубашку. Но чёрная вдова его не укусила. Он протянул руку, взял у Охотника бутылочку с водой и сделал глоток.

— Ты спас мне жизнь, — сказал он.

Охотник задумался:

— Спасти жизнь и отнять жизнь одной и той же пулей... неплохой результат.

Шрам останется у Казака на всю жизнь. Но на всю жизнь — это не всегда надолго. Жизнь профессионального убийцы часто коротка. Охотник погибнет первым, в другой стране, на

УДАР ПРЛА

другом задании. Однажды настанет и его очередь.

Но тогда он ничего не сказал. Они выполнили свою работу. Всё остальное не важно. Он отдал обратно бутылочку, и под палящим солнцем, на глазах у джунглей, размышлявших, что же случилось, они пустились в обратный путь навстречу новому дню, пробивая и прорезая себе дорогу.

НЕ МОЁ ДЕЛО

Алекс Райдер лежал на спине и обсыхал на полуденном солнце.

Солёная вода после последнего заплыва всё ещё стекала по волосам и испарялась с груди. Мокрые плавки липли к телу. Сейчас он был так счастлив, насколько вообще возможно; прошла целая неделя каникул — совершенно идеальная неделя, с тех самых пор как самолёт приземлился в Монпелье и он впервые оказался под средиземноморским солнцем. Он обожал юг Франции — яркие цвета, запахи, неспешность жизни; здесь, казалось, цеплялись за каждый момент и не желали отпустить. Он даже не представлял, который час — правда, судя по тому, насколько он голоден, скоро явно должно наступить обеденное время. Послышался тихий барабанный бит — мимо него шла девушка в ярко-розовых наушниках «Скулкенди», провод от которых уходил в рюкзак, и Алекс повернул голову ей вслед. И в это самое мгновение

солнце закатилось, море замёрзло, а весь мир затаил дыхание.

Он смотрел не на девушку в наушниках, а мимо неё, на дамбу, отделявшую пляж от пристани, к которой только что пристала яхта — огромная, размером почти с пассажирский теплоход, который возил туристов вдоль побережья. Но на эту яхту никогда не поднимется ни один турист. Она выглядела совершенно негостеприимно — затемнённые окна, мощный нос, больше напоминавший белую стену. У бушприта стоял человек и бесстрастно смотрел вперёд. Алекс сразу же узнал его лицо.

Ясен Григорович. Это не мог быть никто другой.

Алекс присел, опираясь на зарытую в песок ладонь. Из рубки тем временем вышел парень и начал пришвартовывать яхту. Он был коренастым, больше похожим на обезьяну, в сетчатой майке, выставлявшей напоказ татуировки, которыми были покрыты руки и плечи. Матрос? Ясен даже не пытался помочь ему с работой. По причалу торопливо шёл ещё один человек, толстый и лысый, в дешёвом белом костюме. Лысина его настолько загорела, что кожа приобрела жуткий красный оттенок раковой опухоли.

Увидев его, Ясен спустился вниз, плавно, словно пролитое масло. Он был одет в синие джинсы и белую рубашку с вырезом на шее. Другие бы с большим трудом удержали равно-

весие на вихляющем туда-сюда трапе, но он даже не пошатнулся. Было в нём что-то нечеловеческое. Коротко стриженные волосы, суровые синие глаза, бледное лицо безо всякого выражения — он вряд ли приехал сюда отдыхать. Но только Алекс знал, кто же он такой на самом деле. Ясен Григорович был киллером. Он убил его дядю и навсегда изменил его жизнь. Ясена искали по всему миру.

Так что же он делает здесь, в маленьком прибрежном городке на краю болот и лагун Камарга? В Сен-Пьере не было ничего, кроме пляжей, летних лагерей, ресторанов (их вообще в городе чуть ли не больше, чем жителей) и огромной церкви, которая больше напоминала крепость. Алексу потребовалась неделя, чтобы наконец привыкнуть к тихому очарованию этого места. И тут вдруг такое!

— Ты куда смотришь, Алекс? — тихо спросила Сабина, и Алекс заставил себя повернуться, вообще вспомнить, что она рядом.

— Я...

Слова разом сбежали с языка. Он не знал, что ответить.

— Можешь нанести мне ещё немножко крема от загара? Солнце так печёт...

Вот такая она, Сабина. Стройная, темноволосая, иногда даже забываешь, что ей всего пятнадцать. С другой стороны, она, скорее всего, была из тех девочек, что начинают интересо-

ваться вместо пупсов настоящими мальчиками ещё лет в десять. Она пользовалась кремом с фактором защиты 25, но почему-то каждые пятнадцать минут ей требовалась новая порция, причём каждый раз она просила помочь именно Алекса. Он окинул быстрым взглядом её спину, покрытую идеальным бронзовым заггаром. Сабина была одета в бикини, на которое ушло так мало ткани, что покрывать узором было практически нечего. На носу у неё были поддельные очки от Диора (они стоили раз в десять дешевле, чем настоящие), и она увлечённо читала «Властелина колец», одной рукой размахивая тубиком.

Алекс посмотрел на яхту. Ясен пожал руки лысому толстяку. Матрос стоял поблизости и чего-то ждал. Даже на таком расстоянии было сразу понятно, кто там главный: когда Ясен говорил, остальные слушали. Алекс однажды видел, как Ясен застрелил человека просто за то, что тот уронил коробку. Он излучал поразительный холод, от которого не помогало даже средиземноморское солнце. И, что самое странное, Ясена знают в лицо лишь несколько человек во всём мире, и один из них — Алекс. Неужели приезд русского наёмника как-то связан с ним?

— Алекс?.. — протянула Сабина.

Странная тройца отошла от яхты и направилась в город. Алекс вдруг вскочил на ноги.

— Сейчас вернусь, — сказал он.

- Ты куда?
- Попить хочу.
- У меня есть вода.
- Я хочу кока-колы.

Натягивая футболку, Алекс уже понимал, насколько это плохая идея. Ясен Григорович мог приплыть в Камарг просто для того, чтобы отдохнуть, а может быть, и для того, чтобы убить мэра города. Так или иначе, это вообще не дело Алекса, и искать новой встречи с Ясеном — чистое безумие. Алекс вспомнил обещание, данное на крыше небоскрёба в центре Лондона.

«Ты убил Яна Райдера. Однажды я убью тебя».

Тогда он говорил совершенно искренне — но это было тогда. Сейчас он не хотел иметь ничего общего ни с Ясеном, ни с миром, который он собой олицетворял.

И тем не менее...

Ясен здесь. И Алекс должен знать, зачем он здесь.

Ясен с сопровождающими шли по главной улице, тянувшейся вдоль моря. Алекс следовал за ними чуть поодаль, по пляжу; он прошёл мимо белой бетонной арены для боя быков, увидев которую в первый раз немало удивился, — но затем вспомнил, что здесь от силы миль сто до Испании. Сегодня, похоже, должна пройти коррида. Кто-то уже стоял в очереди за билетами у маленьких касс, но они с Сабиной решили

держаться подальше от этого зрелища. «Надеюсь, бык победит», — только и сказала Сабина.

Ясен свернул налево, в сторону центра города. Алекс ускорил шаг, понимая, насколько легко потерять их из виду в мешанине из улочек и переулков вокруг церкви. Ему даже не пришлось особенно скрываться. Ясен был совершенно уверен в собственной безопасности. Это же морской курорт, здесь летом вечно толпа народу — он даже и не заметит, если кто-то за ним и следит. Но, с другой стороны, это Ясен — а о нём нельзя ничего сказать наверняка. Сердце Алекса колотилось с каждым шагом. Во рту пересохло, причём на этот раз не из-за жары.

Ясен исчез. Алекс посмотрел налево, потом направо. Туристы сновали со всех сторон — кто по магазинам, кто по ресторанчикам под открытым небом, где уже подавали обед. В воздухе стоял запах паэлы. Алекс отругал себя за то, что не решился подобраться поближе. Подозрительная троица могла зайти в совершенно любое здание. А может, ему вообще показалось, что он их увидел? Мысль была приятная, но через мгновение пришлось от неё отказаться: Алекс снова увидел всех троих. Они сидели на террасе перед одним из самых дорогих ресторанов на площади, и лысый уже попросил меню.

Алекс подошёл к магазину с открытками и встал так, чтобы стеллажи оказались между ним и рестораном. Рядом стояло кафе, где по-

давали закуски и напитки, а столики прятались под огромными разноцветными зонтиками. Алекс осторожно прошёл туда. Ясен и остальные двое были всего метрах в десяти, и он мог рассмотреть их подробнее. Матрос набил рот хлебом, словно не ел уже целую неделю. Лысый энергично и торопливо говорил, периодически взмахивая кулаком, чтобы подчеркнуть отдельные слова. Ясен терпеливо слушал. Вокруг было настолько шумно, что Алекс не слышал ни слова из их разговора. Он выглянул из-за зонтика и чуть не натолкнулся на официанта; тот разразился длинной тирадой на французском. Ясен повернулся в их сторону, и Алекс поспешно отпрыгнул в сторону, боясь, что привлёк к себе слишком много внимания.

Между кафе и террасой ресторана, где обедала троица, стояли деревья в деревянных кадках. Алекс проскользнул между двумя кадками и быстро прошёл через дверь ресторана. Там он чувствовал себя в большей безопасности, чем на улице. Прямо позади него располагалась кухня, сбоку — бар, а перед ним с десятков столов, за которыми никто не сидел. Туда-сюда ходили официанты с подносами, но все клиенты ели на открытом воздухе.

Алекс выглянул в дверь, и у него перехватило дыхание. Ясен встал и направился прямо к нему. Он что, его заметил? Но потом Алекс

увидел в руках у Ясена мобильный телефон. Судя по всему, кто-то ему позвонил, и он решил зайти внутрь, чтобы говорить не при всех. Ещё несколько шагов — и он дойдёт до двери. Алекс быстро огляделся и увидел нишу, прикрытую занавеской из шнурков с бусинами. Отодвинув занавеску, он забрался в кладовку, где ему едва хватало места. Со всех сторон его окружали швабры, вёдра, картонные коробки и пустые бутылки из-под вина. Занавеска зашелестела, затем всё стихло.

Ясен вдруг оказался совсем рядом с ним.

— Я прибыл двадцать минут назад, — сказал он по-английски, с едва заметным русским акцентом. — Франко ждал меня. Адрес подтверждён, всё обговорено.

Пауза. Алекс старался даже не дышать. Он стоял в нескольких сантиметрах от Ясена, отделённый от него лишь хрупкой занавеской из ярких бусин. Если бы глазам не было так трудно привыкнуть к темноте ресторана после яркого уличного солнца, Ясен бы обязательно его увидел.

— Сделаем всё сегодня днём. Вам не о чем беспокоиться. Лучше всего нам пока не выходить на связь. Я доложу обо всём после того, как вернусь в Англию.

Ясен Григорович положил трубку и вдруг замер. Алекс своими глазами увидел тот момент,

когда он изменился в лице, словно какой-то животный инстинкт подсказал ему, что разговор подслушали. Он по-прежнему держал в руке телефон, но сжал его так, словно это нож и он в любой момент готов его бросить. Ясен не поворачивал головы, но его глаза двигались в поисках врага. Алекс неподвижно стоял в комнатухе, не смея шевельнуться. Что ему делать? Соблазн выскочить из-за занавески и выбежать на свежий воздух был велик, но... нет. Он умрёт, не сделав и двух шагов. Ясен убьёт его, даже не задумываясь, кто он и как тут оказался. Алекс медленно, осторожно огляделся, ища хоть какое-нибудь подобие оружия.

А потом распахнулась дверь кухни, оттуда поспешно вышел официант, чуть не столкнувшись с Ясеном, и громко кого-то позвал. Напряжённый момент разрядился сам собой. Ясен убрал телефон в карман брюк и вышел на улицу к остальным.

Алекс громко, с облегчением вздохнул.

Что ему удалось узнать?

Ясен Григорович приехал сюда, чтобы кого-то убить. В этом Алекс был уверен. «Адрес подтверждён, всё обговорено». Но, по крайней мере, своего имени Алекс не услышал. Так что он оказался прав. Цель — какой-нибудь француз, который живёт здесь, в Сен-Пьере. И всё произойдёт сегодня днём. Прогремит выстрел, или,

может быть, на солнце блеснёт нож. Одна секунда, чья-то смерть, и кто-то где-то узнает, что теперь у него на одного врага меньше.

И что ему делать?

Алекс оттолкнул занавеску и вышел из ресторана через заднюю дверь. Оказавшись на узкой улочке, подальше от площади, он испытал немалое облегчение. Только после этого он всё же собрался с мыслями. Можно, конечно, пойти в полицию. Сказать им, что он шпион, который работает на МИ-6, военную разведку Великобритании, и выполнил для них уже три задания. Сказать, что он узнал Ясена, что он знает, кто это такой, и сегодня днём, если его не остановить, будет совершено убийство.

Но чем это поможет? Французы-полицейские, может быть, и поймут его объяснения, но ни за что ему не поверят. Он четырнадцатилетний английский школьник, загорелый, с песком в волосах. Да они его на смех поднимут, едва увидев.

Можно сказать Сабине и её родителям. Но и от этого Алекс отказался. Он здесь только потому, что они его пригласили — зачем портить им отпуск убийством? Да и поверят они ему примерно с той же вероятностью, что и полиция. Однажды, когда они отдыхали в Корнуолле, Алекс попытался рассказать Сабине правду. Но она решила, что он шутит.

Алекс оглядел магазины для туристов, лавки с мороженым, людей, весело сновавших по улицам. Типичный вид с открытки. Реальный мир. Что он вообще творит? Зачем опять ввязывается в игры шпионов и убийц? Он на каникулах. Это не его дело. Пусть Ясен делает что хочет. Алекс не сможет его остановить, даже если попытается. Лучше вообще забыть, что видел Ясена.

Алекс глубоко вздохнул и пошёл обратно к пляжу, на поиски Сабины и её родителей. По пути он пытался придумать, как бы объяснить им, почему он так неожиданно ушёл и почему вернулся такой хмурый?

Днём один из местных фермеров подвёз Алекса и Сабину до Эг-Морта, укрепленного городка на краю солончаков. Сабина хотела сбежать от родителей, посидеть во французском кафе и посмотреть, как туристы общаются на улице с местными. Она разработала целую систему оценки внешности французских подростков — очки снижались, например, за тощие ноги, кривые зубы или плохое чувство стиля. Никому пока что не удалось набрать больше семи из двадцати, и, будь всё как обычно, Алекс с удовольствием сидел бы рядом и хихикал вместе с ней.

Но не сегодня днём.

Перед глазами всё плыло. Стены и башни, окружавшие городок, казалось, высились где-то вдалеке, во многих милях от него, а туристы шли как в замедленной съёмке. Алекс очень хотел наслаждаться поездкой, почувствовать себя частью праздника. Но появление Ясена всё испортило.

Алекс познакомился с Сабиной всего месяц назад, когда они подавали мячи на Уимблдонском турнире, но они быстро сдружились. Сабина была единственным ребёнком. Её мама Лиз работала модным дизайнером, а отец Эдвард был журналистом. Алекс его почти не видел. В отпуск он приехал позже остальных, не на самолёте, а поездом из Парижа, и работал над какой-то статьёй, почти не отрываясь.

Семья Плэжер сняла домик на окраине Сен-Пьера, прямо на берегу Малой Роны. Дом был простенький, типичный для этих мест: ярко-белый, с синими ставнями и обожжённой на солнце терракотовой черепицей. В нём было три комнаты, а на первом этаже — просторная, старомодная кухня, выходящая в заросший сад с бассейном и теннисным кортом, где через асфальт уже пробились сорняки. Алексу дом сразу же понравился. Из его комнаты открывался отличный вид на реку, и каждый вечер они с Сабиной часами лежали, растянувшись

на старом плетёном диване, тихо разговаривали и смотрели, как течёт вода.

Первая неделя каникул прошла как одно мгновение. Они плавали в бассейне и в море, до которого от дома было меньше мили. Они гуляли, поднимались в горы, плавали на каноэ, а однажды даже прокатились на лошадях (хотя Алекс не слишком любил ездить верхом). Алексу очень нравились родители Сабины. Они были из тех взрослых, что не забыли, как когда-то и сами были подростками, и, по сути, представили их с Сабинной самим себе. В последнюю неделю всё шло замечательно.

Пока не появился Ясен.

«Адрес подтверждён, всё обговорено. Сделаем всё сегодня днём...»

Что русский наёмник запланировал сделать в Сен-Пьере? Что за усмешка судьбы привела его сюда, снова бросив тень на жизнь Алекса? Несмотря на жаркое солнце, Алекс поёжился.

— Алекс?

Он понял, что Сабина что-то ему говорит, и повернулся. Она встревоженно смотрела на него с другой стороны стола.

— О чём задумался? — спросила она. — Ты словно был где-то далеко.

— Да ни о чём.

— Ты вообще сам не свой весь день. С утра что-то случилось? Куда ты уходил с пляжа?

— Я же сказал, мне просто хотелось попить.

Ему очень не хотелось врать ей, но правду он сказать не мог.

— Я вот к чему: нам уже пора. Я обещала вернуться домой к пяти. О боже, ты только взгляни на этого! — Она показала на ещё одного парнишку, который проходил мимо. — Четыре из двадцати. Во Франции что, красивых мальчиков вообще нет? — Она посмотрела на Алекса: — Ну, кроме тебя.

— А мне ты сколько поставишь из двадцати? — спросил Алекс.

Сабина задумалась.

— Двенадцать. С половиной, — наконец ответила она. — Но не беспокойся, Алекс. Ещё лет десять — и ты станешь просто идеален.

Иногда ужас заявляет о себе едва заметным образом.

В тот день предвестником беды стала одна-единственная полицейская машина на широкой пустой дороге, ведущей вниз к Сен-Пьеру. Алекс и Сабина сидели в кузове того же грузовичка, который привёз их в Эг-Морт. Они смотрели на стадо мирно пасущихся коров, и тут мимо них пронеслась полицейская машина — бело-синяя, с мигалкой на крыше. Алекс до сих пор думал о Ясене, и машина лишь усилила тревожное чувство в груди. Но это же просто по-

лицейская машина. Может быть, сама по себе она ничего и не значит.

Но потом откуда-то поблизости в ярко-голубое небо взлетел вертолёт. Сабина увидела его и показала пальцем.

— Что-то произошло, — сказала она. — Он только что вылетел из города.

Вертолёт вылетел из города? Алекс не был в этом так уверен. Он увидел, как вертолёт пролетел над ними и направился в сторону Эг-Морта; его дыхание всё учащалось, а горло стискивал непонятный ужас.

А потом они проехали очередной поворот, и Алекс понял, что его худший страх сбылся — но совсем не так, как он предполагал.

Обломки, зазубренные остатки стен и искореженная сталь. Густой чёрный дым в небе. Их домик разнесло на куски. Лишь одна стена осталась стоять, создавая жестокую иллюзию, что дом не так и сильно повреждён. Только вот на самом деле, кроме стены, от него не осталось ничего. Алекс увидел медную кровать, которая каким-то образом зависла в воздухе под очень странным углом. Синие ставни валялись в траве метрах в пятидесяти от дома. Вода в бассейне была коричневой и грязной. Судя по всему, взрыв был мощнейший.

Вокруг здания стояла целая кавалькада машин и фургонов — полиция, «Скорая помощь»,

пожарные, отряд по борьбе с терроризмом. Алексу происходящее казалось нереальным — словно вокруг сломанного домика из конструктора кто-то расставил яркие игрушки. В чужой стране ничего не кажется настолько чужим, как экстренные службы.

— Мама! Папа!

Сабина с криком выскочила из грузовичка ещё до того, как он остановился. Она бросилась к дому по гравийной дорожке, расталкивая людей в разноцветной форме. Алекс тоже вышел из машины, не до конца уверенный, встанут ли его ноги на твёрдую землю или пройдут насквозь. Голова кружилась, ему казалось, что он вот-вот упадёт в обморок.

Он шёл вперёд, никто не обращал на него внимания. Впереди вдруг возникла мама Сабини, с перепачканным пылью и слезами лицом, и Алекс подумал, что раз уж её не было дома, когда раздался взрыв, то, может быть, и с Эдвардом Плэжером всё в порядке. Но потом он увидел, как Сабина затряслась и упала на руки матери, и понял, что случилось худшее.

Он подошёл поближе — как раз вовремя, чтобы услышать слова Лиз, крепко сжимавшей дочь в объятиях.

— Мы до сих пор не знаем, что произошло. Папу отправили на вертолёте в Монпелье. Он жив, Сабина, но тяжело ранен. Мы сейчас едем

к нему. Ты знаешь, что папа — боец. Но врачи не уверены, выживет он или нет. Мы просто не знаем...

Алекс почувствовал запах гари. Дым закрыл солнце. Глаза начали слезиться, он едва мог дышать.

Это он виноват.

Он не знал, почему это произошло, но точно знал, кто за этим стоит.

Ясен Григорович.

«Это не моё дело». Да, вот так Алекс думал. И вот что из этого вышло.